

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА.

Томъ II.
(1888—1889.)

съ иллюстраціями.

ИЗДАНИЕ М. П. ЧЕХОВОЙ.

МОСКВА.

1912.

Біографическій очеркъ (1888—1889).

II.

Осенью 1887 г. Антонъ Павловичъ написалъ свою первую пьесу «Ивановъ». Еще раньше, за годъ передъ этимъ, въ литературной дѣятельности писателя начался переломъ въ сторону болѣе серьезнаго, вдумчиваго творчества; теперь А. П. уже настоящій писатель, — о немъ пишутъ и говорятъ, и когда на сценѣ театра Корша въ Москвѣ появился въ первый разъ его «Ивановъ», то смотрѣть его собралась самая изысканная московская публика. Театръ былъ переполненъ. Одни ожидали увидѣть въ «Ивановѣ» веселый фарсъ въ стилѣ рассказовъ Антона П-ча, помѣщенныхъ имъ въ «Осколкахъ», другіе ожидали чего-то новаго, болѣе серьезнаго, и не ошиблись. Успѣхъ спектакля былъ пестрый: первые шикали, вторые, которыхъ было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но въ общемъ «Иванова» не поняли и еще долго потомъ газеты выясняли личность и характеръ главнаго героя. Но какъ бы то ни было, о пьесѣ заговорили. Въ январѣ 1889 г. «Ивановъ» былъ поставленъ въ С.-Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ, прошелъ шумно, хотя и здѣсь еще долго обсуждался новый тогда типъ Иванова. Въ одномъ изъ писемъ къ Суворину А. П. долженъ былъ самъ выяснять, что представлялъ изъ себя Ивановъ и какъ нужно было бы его играть. Но новизна замысла и драматическихъ пріемовъ автора обратили на Антона П-ча всеобщее вниманіе,

какъ на драматурга, и съ этого времени начинается общій поворотъ въ психикѣ и въ литературной дѣятельности писателя,—онъ начинаетъ строже относиться къ себѣ и къ своему творчеству. Правда, вызвавшій столько толковъ и въ печати и въ обществѣ, «Ивановъ» былъ написанъ сплеча и на спѣхъ. Антонъ Павловичъ и раньше брался за драмы и водевили, но самъ же ихъ и уничтожалъ. Еще въ юношествѣ онъ написалъ драму «Безотцовщина» и водевиль «Не даромъ курица пѣла»; будучи студентомъ, онъ написалъ большую пьесу, которую мечталъ поставить на сценѣ Московскаго Малаго театра и даже носилъ ее извѣстной московской артисткѣ М. Н. Ермоловой на просмотръ. Пьеса эта была очень громоздка, съ поѣздомъ желѣзной дороги, съ конокрадами и съ самосудомъ цыганъ, но все это были шалости пера. Былъ еще у А. П. и драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи «На большой дорогѣ», запрещенный цензурой (1885 г.), изъ котораго впослѣдствіи онъ сдѣлалъ рассказъ. Но всѣ эти пьесы свѣта не видали. «Ивановъ» былъ исполненъ въ какія-нибудь двѣ недѣли. Встрѣтившись какъ-то съ содержателемъ Московскаго частнаго театра Ф. А. Коршемъ, въ его же театрѣ, А. П. разговорился съ нимъ о пьесахъ. Тогда ставили легкую комедію и водевиль, серьезные пьесы были не въ ходу, и зная, что А. П. былъ юмористомъ, Ф. А. Коршъ предложилъ ему написать для него пьесу. Условія показались выгодными, и А. П. чѣ принялся за исполненіе. Въ сумрачномъ кабинетѣ, въ домѣ Корнѣева, на Кудринской Садовой, Ант. П. чѣ сталъ писать актъ за актомъ, которые тотчасъ же и передавались Коршу для цензуры и репетицій. Но, несмотря на такое спѣшное исполненіе, «Ивановъ» сразу же обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Антонъ П. чѣ понюхалъ театральнаго пороха, къ тому же и матеріальные резуль-

таты постановки имъ «Иванова» порадовали его, и онъ написалъ вскорѣ водевиль «Медвѣдь», облетѣвшій всю Россію и не сходящій съ репертуара и до сихъ поръ. «Медвѣдь» былъ напечатанъ сперва въ «Новомъ Времени», а затѣмъ поставленъ въ первый разъ все въ томъ же театрѣ Корша въ Москвѣ. Заглавную роль въ немъ исполнялъ артистъ Н. Н. Соловцовъ, которому и посвященъ водевиль. Въ слѣдующемъ сезонѣ Н. Н. Соловцовъ вмѣстѣ съ Абрамовой открылъ въ Москвѣ свой собственный театръ, но дѣла ихъ не пошли. Оставалось одно Рождество, на которое только и возлагались надежды; но чтобы «сорвать» сборы, нужно было имѣть какую-нибудь новую, боевую пьесу, а ея то и не было. Тогда Соловцовъ обратился къ Антону П-чу: — «Поддержите, выручите, дайте пьесу!» У Антона П-ча въ запасѣ не было ни одной законченной. До наступленія Рождества оставалось всего только какихъ-нибудь 10 — 12 дней. Соловцовъ предлагалъ тысячу рублей. Условія были заманчивы. И вотъ Антонъ П-чъ принялся за пьесу. Каждый день онъ писалъ по акту, его братъ-студентъ переписывалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ, приѣзжалъ Соловцовъ, отбиралъ эти экземпляры и посылалъ ихъ съ кондукторомъ въ Петербургъ на цензуру. Такимъ образомъ, пьеса къ сроку была готова, прошла нѣсколько разъ подрядъ, автора опять шумно вызывали, но самъ авторъ остался ею далеко недоволенъ. Это былъ «Лѣшій». Антонъ П-чъ тогда же снялъ ее съ репертуара, долго держалъ ее въ столѣ и только нѣсколько лѣтъ спустя передѣлалъ ее до неузнаваемости и уже подъ другимъ заглавіемъ («Дядя Ваня») поставилъ ее на сценѣ Московскаго Художественнаго театра. Но каковы бы ни были недостатки «Лѣшаго», и эта пьеса обратила на себя вниманіе литературныхъ круговъ и дала Антону Павловичу мѣсто среди видныхъ тогдашнихъ драматур-

говъ. Одновременно съ этимъ онъ писалъ какой-то большой романъ, о которомъ часто мечтали вслухъ и любили говорить, но романъ этотъ такъ и не увидѣлъ свѣта и не былъ найденъ въ его бумагахъ; вѣроятно, требовательный къ себѣ, онъ остался имъ недоволенъ и уничтожилъ его или воспользовался имъ для разсказа. Писалъ онъ его вѣсколько лѣтъ. «Посвящаю его (этотъ романъ) Вамъ»,—писалъ онъ въ 1889 году А. Н. Плещееву, — объ этомъ я уже писалъ. Въ основу сего романа кладу я жизнь хорошихъ людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды; цѣль моя—убить сразу двухъ зайцевъ: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется отъ нормы. Норма мнѣ неизвѣстна, какъ неизвѣстна никому изъ насъ. Всѣ мы знаемъ, что такое безчестный поступокъ, но что такое честь—мы не знаемъ. Буду держаться той рамки, которая ближе къ сердцу и уже испытана людьми по-сильнѣе и умнѣе меня. Рамка эта—абсолютная свобода человѣка, свобода отъ насилія, отъ предразсудковъ, невѣжества, черта, свобода отъ страстей и проч.» (9 апр. 1889). Повидимому, въ этомъ именно романѣ Ант. П.—что хотѣлъ воплотить въ художественныхъ образахъ свое міровоззрѣніе, которое онъ такъ формулируетъ въ письмѣ къ А. Н. Плещееву (въ окт 1889 г.). «Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непременно либераломъ, или консерваторомъ. Я не либераль, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индеферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ—и только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ и мнѣ одинаково противны какъ секретарь консисторіи, такъ и Н. съ Г.. Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ;

я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи.. Потому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ—это чело-вѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновенье, любовь и абсолютѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія дѣлѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ». Это исповѣданіе вѣры, которое должно было лечь въ основу начатаго Антономъ II—чемъ романа, какъ нельзя болѣе характеризуетъ его самого и его внутренній міръ въ 1888—89 годахъ.

Литературная плодovitость Антона II—ча въ эти годы была громадна. Постановки на московской и петербургской сценахъ пьесъ не помѣшали ему написать большую повѣсть «Степь», показавшую читателямъ, какой это былъ значительный талантъ. Но и теперь Антонъ II—чъ еще мало довѣрялъ своему дарованію. Замѣтившій его еще раньше и первый приславшій ему привѣтственное письмо, Григоровичъ, а затѣмъ А. С. Суворинъ, съ которымъ Ант. II—чъ близко сошелся во время постановки на Александринской сценѣ «Иванова», открыли ему глаза на него самого; затѣмъ возмужалость и необыкновенное стремленіе къ личной свободѣ сдѣлали свое дѣло, и Антонъ II—чъ окончательно подвелъ себѣ итогъ и опредѣлился, какъ писатель и драматургъ. Врачебная практика сошла «на нѣтъ», и вывѣска на двери «Докторъ А. П. Чеховъ» стала уже ненужной, хотя и продолжала еще висѣть.

1888—1889 годы были какими-то необыкновенными въ душевномъ подъемѣ Антонъ II—ча. Онъ всегда былъ веселъ, шутилъ, много и безъ усталости работалъ, не могъ обходиться безъ людей. Его небольшая квартира въ

VIII

Кудринѣ, маленькій двухъ-этажный домъ особнячокъ, похожій на комодъ, въ то время представляла изъ себя центръ, куда стекалась молодежь. Наверху играли на взятомъ на прокатъ піанино, пѣли, вели шутливые разговоры, а внизу онъ сидѣлъ у своего стола и подъ долевтавшіе до него звуки писалъ. Но эти звуки только подбодряли его. Онъ не могъ жить безъ нихъ, принималъ самое живое участіе въ общемъ весельи. «Я положительно не могу жить безъ гостей,—писалъ онъ А. С. Суворину.— «Когда я одинъ, то мнѣ почему-то дѣлается страшно». Въ домѣ Корняева въ Кудринѣ посѣтили Антона П—ча Григоровичъ, Суворинъ, Плещеевъ, Лейкинъ, и многіе другіе писатели, подарилъ его своимъ неожиданнымъ визитомъ композиторъ П. И. Чайковскій — и такимъ образомъ Антонъ П—чъ былъ признанъ тогда за величину. Царившіе въ то время у Антона П—ча въ квартирѣ веселье и смѣхъ заразили и покойнаго старика Д. В. Григоровича: онъ какъ-то сразу помолодѣлъ и еще долго рассказывалъ въ Петербургѣ о той обстановкѣ, въ которой молодой писатель создавалъ тогда свои произведенія. Эта веселая жизнерадостная, многообщавшая жизнь прерывалась однако приступами сильнаго кашля, которые посѣщали Антона П—ча, въ особенности по ночамъ. Незамѣтно, но настойчиво этотъ кашель подготавливалъ почву для будущей серьезной его болѣзни, но онъ не хотѣлъ обращать на него вниманія и серьезно лѣчиться. Въ письмѣ къ А. С. Суворину отъ 14 октября 1888 г. онъ старается убѣдить себя, что этотъ кашель — вовсе не опасенъ. «Каждую зиму, осень и весну,—пишетъ онъ,— и въ каждый сырой лѣтній день я кашляю. Но все это пугаетъ меня только тогда, когда я вижу кровь: въ крови, текущей изъ рта, есть что то зловѣщее, какъ въ заревѣ.... Дѣло въ томъ, что чахотка... узнается только по совокупности признаковъ, а у меня то именно и нѣтъ этой со-

вокупности». Первое кровохарканье случилось у Антона П—ча еще въ 1885 году, когда онъ былъ почему-то (кажется, вель для газеты записки по извѣстному дѣлу Скопинскаго банка) въ Московскомъ Окружномъ Судѣ.... «Если бы то кровохарканье,—продолжаетъ онъ въ письмѣ къ Суворину,—какое случилось у меня въ Окружномъ Судѣ, было симптомомъ начинающейся чахотки, то я давво уже былъ бы на томъ свѣтѣ,—вотъ моя логика». Этотъ кашель продолжался очень долго, и болѣзнь Антона П—ча стала окончательно выяснившейся для его семьи только многіе годы спустя, уже въ Мелиховѣ, когда писателя пришлось везти въ клиники. Но какъ бы то ни было, уже тогда, въ 1889—1890 гг. припадки этой болѣзни и геморроя вносили въ душу Антона П—ча разочарованіе. Онъ чувствовалъ себя иногда такъ плохо, что, любя общество, начиналъ тяготиться имъ, запрещалъ принимать гостей и часто въ такіе моменты отказывалъ въ приѣмѣ людямъ, которымъ не отказалъ бы во всякое другое время. Но заканчивались эти болѣзни, и моментально мѣнялось настроеніе, двери широко отворялись, приходили гости, начиналась музыка, и подъ звуки ея и говоръ молодежи у Антона П—ча выростали крылья и чувствовалось отсутствіе досаднаго настроенія. Особенно тяжело протекала для писателя въ 1888 г. свирѣпствовавшая тогда инфлуэнца. Но и при ней, какъ, впрочемъ, и всегда, онъ не давалъ врачамъ выслушать себя и поставить точный діагнозъ.

Лѣто 1888 и 89 гг. Антонъ П—чъ провелъ съ семьей на дачѣ въ Харьковской губ., въ усадьбѣ Лука, Сумскаго уѣзда. Нанялъ онъ эту дачу заглазно, по совѣту одного хохла изъ посѣщавшей его молодежи. Отправилъ по почтѣ задатокъ и тотчасъ же послалъ А. Н. Плещееву въ Петербургъ приглашеніе ѣхать къ нему въ тѣ мѣста, гдѣ

«свирѣпствовалъ нѣкогда Ноздревъ и ссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Онъ заранѣе восхищался глубокой, широкой и богатой рыбой и раками рѣкой Псломъ, прудомъ съ карасями, плотиной, лѣсами, поднимавшимся въ гору старымъ садомъ, изобиліемъ барышенъ. Онъ обѣщалъ ему окунуться вмѣстѣ съ нимъ въ бездѣлье, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ѣздить по ярмаркамъ, музицировать и т. д. Нанятая усадьба не обманула его ожиданій. Страстный рыболовъ и любитель музыки и общества, онъ нашелъ здѣсь все, чего искалъ. Правда, обстановка и удобства оставляли желать многого, но зато рѣка, дуэты на рояли и виолончели и превосходные люди, владѣвшіе усадьбой, выполнѣ его удовлетворили. Онъ сталъ мечтать о покупкѣ въ Малороссіи своего собственного хутора и переселеніи въ него навсегда. Почти тотчасъ же вслѣдъ за переселеніемъ Антона П—ча на Луку, туда пріѣхалъ къ нему изъ Петербурга А. Н. Плещеевъ. Это былъ уже тогда дряхлый старикъ, шамкавшій слова. Но отъ всей его фигуры вѣяло какимъ-то обаяніемъ, что-то съ перваго взгляда приковывало всѣхъ къ нему. Барышни такъ прямо увлекались имъ. Для Алексѣя Николаевича была отведена у Антона П—ча отдѣльная комната, очень бѣдно обставленная, но онъ этого не замѣчалъ и велъ долгія бесѣды съ молодымъ писателемъ. Прожилъ онъ у него цѣлый мѣсяцъ, сочинялъ вслухъ и иногда такъ кричалъ при этомъ, что Антонъ П—чь вбѣгалъ къ нему въ комнату и спрашивалъ его, не нужно ли ему чего-нибудь. Маститый старецъ мило и виновато улыбался и продолжалъ свою работу. Къ А. Н. Плещееву Антонъ П—чь относился съ глубокимъ уваженіемъ, дорожилъ его мнѣніемъ, но каждую минуту боялся за его здоровье: старикъ очень любилъ мучное, а мать писателя Евгенія Яковлезна любила обкармливать,

и Антону П—чу то и дѣло приходилось быть его-
врачомъ.

Вслѣдъ за А. Н. Плещеевымъ Антона П—ча посѣтили
на Лукѣ К. С. Баранцевичъ, а затѣмъ и А. С. Суворинъ.
Пріѣздъ старика Суворина еще болѣе укрѣпилъ его
дружбу съ Антономъ П—чемъ, начавшуюся еще въ Петер-
бургѣ во время постановки тамъ «Иванова». Они близко
сошлись. Не раздѣляя взглядовъ «Новаго Времени»,
Антонъ П—чъ высоко цѣнилъ старика Суворина, от-
дѣлялъ его отъ газеты и дорожилъ его дружбой. Въ те-
ченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ писалъ ему искреннія
письма, въ которыхъ высказывалъ свои завѣтныя мысли
и переживанія, которыя доказываютъ близкія отношенія,
существовавшія между старымъ публицистомъ и моло-
дымъ писателемъ. Верстахъ въ полутора отъ усадьбы, въ
которой жилъ Антонъ Павловичъ, находилась большая
вальцовая мельница о 16-ти колесахъ. Стояла она въ
поэтическомъ мѣстѣ на Пслѣ, вся окруженная старымъ
дубовымъ лѣсомъ. Сюда-то и ѣздили на простомъ, выдол-
бленномъ челнокѣ Чеховъ и Суворинъ на рыбную ловлю.
Цѣлые часы они простаивали у ея колесъ, ловили рыбу
и разговаривали на литературныя и общественныя темы.
Оба изъ народа, оба—внуки бывшихъ крѣпостныхъ и
оба одаренные отъ природы громадными талантами и
отличающіеся рѣдкой образованностью, они почувство-
вали другъ къ другу сильное влеченіе и близко со-
шлись. Эта дружба, повлекшая за собою громадную пе-
реписку съ обѣихъ сторонъ, продолжалась затѣмъ дол-
гіе годы и окончилась только нѣсколько лѣтъ спустя,
во время извѣстнаго процесса Дрейфуса, когда старикъ
Суворинъ сталъ на сторону обвинителей Дрейфуса. Ста-
рикъ до самой смерти продолжалъ любить Чехова, но
охлажденіе со стороны молодого писателя, начавшееся
еще за границей во время процесса, продолжалось и въ

Россіи. Не разрывая сразу, Чеховъ переписывался съ Суворинымъ все рѣже и рѣже; время и отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга пространство тоже дѣлало свое дѣло, и, наконецъ, переписка эта, содержащая въ себѣ столько удивительныхъ мыслей, столько новыхъ и оригинальныхъ сужденій и такъ характеризовавшая Чехова, какъ мыслителя, прекратилась совсѣмъ. Литература, судъ, управленіе, общественная жизнь—все это глубоко захватывало Антона П—ча, вызывало въ немъ живой интересъ и находило отраженіе въ этой перепискѣ его съ Суворинымъ.

Постановка «Иванова» на Спб. Александринской сценѣ сблизила Антона П—ча съ артистомъ П. М. Свободинымъ¹⁾. Онъ тоже пріѣзжалъ въ то лѣто къ писателю на Луку. Оба талантиливые и оба юмористы, они смѣшили все населеніе усадьбы остроумными выходками, затѣвали смѣхотворныя рыбныя ловли, накоторыя Свободинъ выходилъ во фрачной парѣ, и были нектощими на шутки. Цѣлой компаніей ѣздили въ Ахтырку—тогда захолустный провинціальный городокъ, гдѣ, остановившись въ гостинницѣ, изображали изъ себя графовъ и князей, чѣмъ приводили въ немалое смущеніе лакеевъ.

Но какъ ни была содержательна и интересна жизнь Антона П—ча на Лукѣ, въ исторіи его творчества она не сыграла особой роли, если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ чертъ, которыми А. П. воспользовался въ «Вишневомъ садѣ». Въ противоположность Бабкину, гдѣ онъ жилъ на дачѣ въ предыдущіе годы, во всѣхъ его дальнѣйшихъ разсказахъ нельзя указать ни одного мѣста, гдѣ бы можно было узнать Луку. Ло-

¹⁾ Письма А. П. къ П. М. Свободину, повидимому, были затеряны послѣ смерти П. М.

вили рыбу, раковъ, слушали почти артистическую игру на рояли и виолончели, но уже не было того размаха молодости, той жезнерадостности, которыми сопровождалась жизнь въ Бабкиѣ.

Въ то-же лѣто 1888 года Антонъ П — чѣ отправился на югъ, погостилъ въ Феодосіи у Суворина и задумалъ вмѣстѣ съ его сыномъ А. А. далекое путешествіе въ Среднюю Азію и въ Персію. Они отправились моремъ до Батума, при чемъ едіа не потерпѣли крушеніе на пароходѣ «Диръ» (см. письмо къ брату М. П. отъ 28 іюля 1888 г.), доѣхали уже черезъ Тифлисъ до Баку, какъ пришла неожиданная телеграмма изъ Феодосіи о смерти младшаго Суворина. Пришлось возвращаться назадъ. Эта поѣздка произвела на Антона П — ча громадное впечатлѣніе. Каковы бы ни были ея конечные результаты, она удовлетворила его. «Впечатлѣнія новыя, рѣзкія», — писалъ онъ А. Н. Плещееву, — до того рѣзкія, что все пережитое представляется мнѣ теперь сновидѣніемъ» (13 авг. 1888 г.). Его пугало тогда возвращеніе въ Москву. Москвы онъ тогда не любилъ. «Москва съ ея холодомъ, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями», говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, — «пугаетъ мое воображеніе. Я охотно прожилъ бы зиму подальше отъ нея». Параллельно съ этимъ въ немъ начинается замѣчаться привязанность къ Петербургу, онъ уже мечтаетъ поселиться въ немъ гдѣ-нибудь на окраинѣ, на Каменноостровскомъ проспектѣ, его тянутъ туда литературныя связи и культурность жизни, и онъ пишетъ своему младшему брату: «Предубѣжденіе къ Петербургу — вещь довольно не похвальная въ интеллигентномъ человѣкѣ». Но въ то же время его пугаетъ и Петербургъ, и, вѣроятно, благодаря приступамъ безпокоившаго его кашля, онъ мечтаетъ и о хуторѣ, обязательно на югѣ, въ Малороссіи. Онъ заранѣе мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ

давать возможность и другимъ писателямъ время отъ времени отдыхать на его хуторѣ, для чего онъ на-строить отдѣльные флигеля. (См. письмо къ А. Н. Плещееву LXXV стр. 140). Жизнь, полная тревожныхъ, погони за славой и успѣхомъ, кажется ему мелкой и несостоятельной гниманія, и онъ пишетъ о себѣ И. Л. Щеглову: «Я не Потемкинъ, а Цинциннатъ. Лежанье на сѣнѣ и пойманный на удочку окунь удовлетворяютъ мое чувство гораздо осязательнѣе, чѣмъ рецензіи и аплодирующая галлерей. Я очевидно уродъ и плебей» (18 февр. 1889).

Мысли о покупкѣ своего собственнаго хутора въ Малороссіи не оставляютъ его и на слѣдующій годъ, когда онъ снова поселяется на лѣто на Лукѣ. Онъ наводитъ справки, ѣздитъ осматривать хуторъ въ Полтавскую губернію въ Сорочинцы, но и эти очаровательныя поѣздки не оставляютъ никакого слѣда въ его литературныхъ произведеніяхъ: Малороссію Антонъ П — чѣ любилъ лишь платонически. Но это лѣто проходитъ для него въ тяжкихъ испытаніяхъ. Весною заболѣваетъ чахоткой его братъ, художникъ Николай Павловичъ. Его болѣзнь захватываетъ Антона П — ча цѣликомъ и совершенно лишаетъ его способности работать. «Человѣкъ я малодушный,—пишетъ онъ по этому поводу А. Н. Плещееву, — не умѣю смотрѣть прямо въ глаза обстоятельству, и поэтому вы мнѣ повѣрите, если я скажу вамъ, что я буквально не въ состояніи работать. Вотъ ужъ три недѣли, какъ я не написалъ ни одной строки, перезабылъ всѣ свои сюжеты» (9 апр. 1889 г.). Болѣзнь брата Николая прогрессировала, его перевезли на Луку, и тамъ онъ, въ отсутствіи Антона П — ча, поѣхавшаго хотя немного развлечься въ Полтавскую губернію, скончался. Было сѣрое небо, шелъ дождь, и писатель долженъ былъ цѣлую ночь скакать обратно, едва успѣвъ прибыть

на мѣсто, чтобы застать покойнаго брата еще на столѣ. Сама природа вооружилась противъ пистателя. «На половинѣ дороги полилъ дождь,—пишетъ онъ А. Н. Плещееву. — Пріѣхали къ Смагинымъ ночью, мокрые, холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная вологодская погода; во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю—не забыть, потому что утромъ пріѣхалъ изъ Миргорода мужичонко и привезъ мокрую телеграмму: «Коля скончался». Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадахъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ. Въ Ромнахъ ждалъ я съ 7 часовъ вечера до 2 ч. ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду: темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурой стѣной, около которой я сижу, актеры репетируютъ какую-то мелодраму. Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые» (26 іюня 89 г.).

Затѣмъ произошли похороны, милыя, поэтическія, полныя трогательной простоты. Николай Павловичъ остался навѣки лежать на скромномъ Лучанскомъ кладбищѣ, а Антонъ Павловичъ какъ-то сразу, вдругъ перемѣнился. Онъ вдругъ засуетился, сталъ тосковать, и вскорѣ же послѣ похоронъ уѣхалъ изъ Луки скитаться. Собирался онъ за границу, но не поѣхалъ, почему-то застрѣлъ въ Одессѣ, гдѣ въ то время была на гастроляхъ московская труппа Малаго театра, поѣхалъ въ Ялту... «Я ѣду въ Ялту и положительно не знаю, зачѣмъ я туда ѣду...» писалъ онъ тогда брату Ивану Павловичу.—Я не знаю, на чемъ остановить свой выборъ. А тутъ еще лѣнь, нежеланіе ѣхать куда-бы то ни было, равнодушіе и банкротство. Живу машинально, не рассуждая... У

меня нѣтъ ни желаній, ни намѣреній, а потому нѣтъ и опредѣленныхъ плановъ... Могу хоть въ Ахтырку ѣхать, мнѣ все равно» (16 іюля 1889 г.). Какое-то странное равнодушіе къ жизни овладѣваетъ писателемъ, онъ ко всему теряетъ охоту и интересъ, жалуется на банкротство и въ то же время пишетъ сестрѣ: «денегъ не жалѣйте, чортъ съ ними!» Но проходятъ два мѣсяца, и онъ снова полонъ вѣры въ себя, въ свое призваніе и уже пишетъ А. Н. Плещееву слѣдующія строки изъ Москвы: «Оборвавшись на повѣсти, я могу приняться за рассказы; если послѣдніе плохи, могу ухватиться за водевилъ и этакъ безъ конца до самой моей дохлой смерти. Такъ что при всемъ моемъ желаніи взглянуть на себя окомъ пессимиста и повѣсить носъ на квинту, я все-таки не унываю ни одной минуты» (14 сент. 1889.). И, живя все въ томъ же домѣ Корняева на Кудринской-Садовой, онъ съ лихорадочностью принимается за литературную работу, и изъ-подъ его пера выходятъ такія вещи, какъ «Скучная исторія» и, какъ уже было упомянуто выше, пьеса «Лѣшій», которую онъ поставилъ въ театрѣ Абрамовой 27 декабря 1889 года. Къ этому присоединилась еще тяжелая, кропотливая работа по собиранію матеріаловъ для предполагаемой поѣздки на Сахалинъ.

Мих. Чеховъ.